

Москва
Театр клоунады Т. Дуровой

Удивительно все-таки, от чего может зависеть судьба... От того, например, что вы наткнетесь в прокуренном пыльном коридоре на двух людей, один из которых говорит другому: "Все. Клоунов в России больше нет. Наступил. Все уехали — в Брюссель, в Париж, в Германию. Я тоже через месяц уезжаю..." Правда, на судьбу мало наткнуться, надо еще уметь не пройти мимо нее. Тереза Дурова не прошла и... ая-ая-ая в спор. Может, потому, что больше 20 лет была цирковой актрисой и режиссером; может, потому, что за клоунов обиделась; а может, потому, что ее фамилия Дурова. Как бы то ни было, она возмутилась: "Ничего подобного. В России хороших клоунов много!" "Нет клоунов!" — "Есть клоуны!" "Нет!" — "Есть!" Содержательный этот диалог имел странное следствие: в "Студенческом меридиане" появилась заметка, сообщавшая, что в Москве организуется первый международный фестиваль клоунов. После чего на автора заметочки (надо ли говорить, кто это был?), решившего таким простым и изысканным способом выяснить, есть в России клоуны или нет, обрушился шквал писем, звонков, телеграмм. Год спустя, в 1991-м, фестиваль состоялся, став блестящим доказательством правоты Дуровой в данном споре. И был финальный концерт, где зал клоуны, свистел и встречал овацией победителей, где победители прижимали к груди призы, врученные самим Никитухиным (он был председателем жюри). Они ехали на фестивалю из дальних городов, безвестные, упрямые, влюбленные в свое искусство. Наконец их мастерство, их талант признаны мэтрами. Они нужны! И было утро после концерта. И безмолвный вопрос: "Что дальше?", на который ответа не было. Дурова могла сказать: "Ну все, ребята, спасибо вам!" Она знала:

Ист. газетная. 1996. — 20 нояб. — с. 8

Школа для несмеян, или Легко ли стать клоуном?..

ла: "Попробуем сыграть финальный спектакль на гастролях?" И они отправились во Владивосток. Так был сделан шаг к Московскому театру клоунады Терезы Дуровой.

на сцене художник. Увлекается резьбой по дереву. Работает бутафором в провинциальном театре. Руки у человека золотые. И прощая цирковую знаменитость ему заказывают режиссеры бомбы (комедии, итудушечки), которая должна пролететь на маневре в голубя... Художник заказ выполняет и до цирка тут же забывает. Но знаменитый Клоун, превращаясь в бомбу в голубей, не забывает о нем и шлет ему письмо с приглашением стать бутафором в его труппе... А потом еще изобретет. И художник теперь колесит по стране с цирком, предлагая труппу, выражая, клан. До тех пор, пока Клоун о нем не спрашивает его, уместно он рисовать шарики. Вопрос художнику кажется смешным — до момента, когда ему предлагают порисовать шарик зрительской аудитории на сцене. Тогда ему становится страшно. Но уже не знает: чем-то прощупывая не его собственную, чужая шпилька на теле, Карандаш в руке, а кругом — добротные блестящие глаза незнакомого человека. Когда, облившая потом, на ватных ногах художник вернулся за кулисы, Куклачева (а Клоуном был он) сказал: "А, ставлю себя открытым..." Не менее интересным было, что и художник открылся — в качестве клоуна. Впрочем, путь от сцены первого познания Сергея Лобанова на сцене у Куклачева до выступления в Театре клоунады был долгим. По крайней мере надо было встретиться с Александром Герасимовым и Терезой

Дуровой, чтобы любимая теперь зрителям клоуночка пара Александр и Борода дебютировала на профессиональной сцене. При всевозможной непереносимости истории Сергея Лобанова абсолютно правая. Точно так же, как знавала история его партнера Александра Герасимова, который, до того как стать на сцене классическим джентльменом (цилиндр, фрак, бабочка), долгое время был на арене классическим "рыжик" (в канты, коротышки, танцующих и с длинными волосами), а в афишах, в другой жизни, ходил не по арене, а не по сцене, а по сцену типографии "Известий"... Поэтому спрашивать, откуда берутся клоуны, особенно что интересоваться, откуда берутся улыбки, шутки, скажи. Клоуны вечны. Но поминного, что они вечны, они еще покажутся. Москва была этой историей, как вечность. Их имена — самые драгоценные и знаменитые зрители, как правило, не знают. Исключения можно пересчитать по пальцам одной руки, и они только подтверждают правило. Как звали Карандаша? Недоумение зрителя, которому задан этот вопрос, сродни изумлению ребенка, которого спрашивают, как зовут маму. Маму зовут мамой! Карандаша зовут Карандашом! Клоуна — клоуном. Самое трудное — обрести в безымянности клоунады собственную личность, образ, который зритель именов: из Михаила Васильевича Румишова, например, стать Карандашом, непонятным, забываемым...

Многим из тех, кто выступает на сцене Театра клоунады, уже удавалось найти в вечной клоунонкой улыбке свою индивидуальность. Зрители вечернего "Дивертисмента" наверняка помнят странную парочку: "миллишера" (Сергей Голубев), то ли "чужеземного", то ли из стихов Дмитрия Александровича Пригова сбегавшего, и длинную, выше его, девочку с чмошаном в руках. Смесь ее неловкой застенчивости, грубоватой простоватости создает образ шепчущий достоверный в своей противоречивости. Мгновенные переходы от беззащитности к наглости, от взрослой вульгарности к детской наивности сыграны с поразительным мимическим искусством. Рисунок психической игры настолько отчетлив, что оставляет ощущение внятного рассказа — при том, что на сцене актрисой произнесено всего два слова: "Зарасте" и "До свиданья". Эта сцена явно вплетается в воспоминаниям о пластике немом кино. Та же подчеркнутая определенность жеста, та же черно-белая гамма жестов, то же внимание к деталям, будь то вышедший из чмошана кулик и два уступа или знание дыры на платье не по росту. Не говоря уж о тапсе за ролем, в желтом квадрате света сопровождающем музыкальную сцену, где сюжет между "миллишерами" и барышней развивается в сторону мелодрамы... Игра Наташи Ивановой (она кончила петербургское театральное училище) впечатляет также диапазоном: в детском "Айболите" она исполняет роль цветастого какаду ("Хороший мальчик, только девочка!").

Из яркого детского спектакля "Школа для нечесты" начал свое путешествие в зрительский гриф-поганка Владимира Кравенко. Замедленная пластика, иррациональность движений оборачиваются точностью образов, будь то плясунья-оператор на смятках "Мушкетеры", палач в "Несмеян" или все тот же гриб в "Теремке"... Широки границы сценической клоунады — тем, собственно, и интересны. И только покажется, что уже все сказано и Александр и Борода и замечательную Кинему Екатерины Кроль, и барышню с "миллишерами", — как театр подносит очередную сюрприз — свидетельство жизни волшебного клоуноного мира...
Ваня ВАСИЛЬЕВ
Фото Сергея ДАВЫДОВА
На сценках актеры:
Владимир Кравенко ("Гриб"),
Наташа Иванова, Сергей Голубев.
МОСКОВСКИЙ ТЕАТР КЛОУНАДЫ
113093 Москва, ул. Павловская, 6. ТЦ ЗВИ.
Тел.: 237-1689, 237-5236, факс: 958-2355.